

*Лишь вчера нам гремела в
глубинах вода.
Лишь вчера нам казалось –
так будет всегда...*

К. Серафимов

Tam brevis et utilis vita¹ Алексея Кореневского

Кореневский Алексей Михайлович

(1961-1985)

Лёша Кореневский появился в нашей компании через моё знакомство с Пашей Масляковым из SCO, он заканчивал МПГУ а Лёша тоже учился там на физфаке и сдружился с ним.

Довольно быстро он влился в наш сборный «спелеологический» коллектив, не имевший четкого разделения между группой ездивших с Сашей Морозовым в Снежную и просто путешествующих время от времени в пещеры со спелеологическим «крылом» уникального образования под названием SCO, выросшего из детских астрономических кружков в Дворцах пионеров и московском Планетарии. Вообще-то само SCO идентифицировало себя как «рыцарский орден», а для внешнего мира оно было одним из «кустов КСП».

Основу этого «ордена» составляли любители астрономии из членов астрономических кружков попадавших в них в старшем школьном возрасте. Повзрослев любители астрономии зачастую изменяли свои интересы, но продолжали оставаться в SCO уже просто как в комфортной среде друзей и/или единомышленников. Девизом SCO было изречение **Suum cuique otium** — каждому свой досуг. В основном члены SCO со своими товарищами путешествовали самыми разнообразными способами: ходили по тайге и поднимались в горы, спускались в пещеры и плавали на яхтах. У всех был свой досуг, в общем это было сообщество умных и симпатичных людей стремившихся к чему-то интересному и непознанному.

Жесткого разделения на членов SCO и не членов не было. В нашей компании у Саши Морозова его членами были только Дима Тетерин и Аркадий Иванов. А я, Лёша Крицкий и Володя Купцов и Алексей Кореневский членами SCO не были и я не помню чтобы это чему-то мешало в общении между собой и другими людьми из этой очень симпатичной и интересной, как сказали бы сейчас — тусовки ☺

Я вообще-то первый раз поехал в пещеры (Отап) под предводительством своего товарища из SCO Андрюши Воронина и младшего брата первой жены тоже члена Максима Родионовского тоже из SCO, Аркадия. Мы с ним членами SCO не были и сложилось так что впервые за ручку в пещеру нас отвёл именно спелеолог из SCO. За что ему и всему SCO реально весьма благодарен.

У Лёши Кореневского путь в спелеологию также пролёг через SCO . К Морозову его привели, насколько я помню Аркадий Иванов с Димой Тетериным.

Лёша Кореневский очень быстро сдружился со всей «группой Снежной» — и с Морозовской её частью и с выходцами из SCO. Участие его в Морозовских экспедициях началось с экспедиции в пещеру им. Сергея Межённого в июне 1983 года, в которой он вместе с Сашей Морозовым и Виктором Козловым (Капралом) прошёл 350 метров новых ходов в направлении к соединению со Снежной. После этой

¹ Такая короткая и полезная жизнь

экспедиции он стал постоянным участником Сашиных мероприятий, вплоть до рокового февраля 1985 года. Остановившего его жизнь и жизнь двух его спутников — Саши Морозова и Алексея Преображенского.

У него был серьёзный повод отказаться от участия в экспедиции Саши Морозова. Тогда я почти уговорил его поехать тоже в Снежную, но уже с нашей экспедицией. За пару лет знакомства мы сильно сдружились.

Мне нравилась его, как сказали бы сейчас, харизма. Он обладал крайне ценным для участников сложных экспедиций качеством — умением поднимать настроение в условиях когда никто другой уже не сможет этого сделать. Это крайне ценное качество и руководители экспедиций всегда стараются заманить к себе людей им обладающих всеми возможными способами.

Леша согласился ехать с нами. Даже сдал первую часть денег на поездку. Но, всё тянул с объявлением о смене своих планов Саше Морозову. Я несколько раз предлагал ему в этом свою помощь, но он посчитал, что это будет как-то не очень правильно. И вот наступил тот день когда он должен был провести с Сашей разговор о его переходе ко мне. А поздно вечером он перезвонил мне и сказал, что остаётся в составе Сашиной экспедиции...

Я расстроился конечно и спросил Лёшу — а почему он так решил. И услышал ответ, который я не могу осознать до сих пор. Он сказал буквально так — понимаешь, получается что Саше тогда не с кем будет идти в Меженного... Я расстроился, но урона нашим планам этот Лёхин отказ от участия не нанёс.

Мы потом ещё несколько раз виделись до их отъезда, выпивали, болтали... Всё было хорошо. Уточняющих вопросов по поводу причины его отказа ехать с нами я не задавал. Вопросы появились уже после того что с ними произошло. Почему они одновременно разделились на две неравноценные по возможностям группы? Почему группа Иванова не помогла группе Морозова заброситься до входа в Меженного? Что было бы логично сделать даже при отличной погоде. И почему в погоду, когда группа Морозова не смогла пройти по своим недавним следам до поставленной всего несколькими часами ранее палатки всего несколько десятков метров, одновременно с нимидвигающаяся ко входу в Снежную группа Аркадия Иванова не предприняла ничего чтобы помочь им? Не такое уж огромное расстояние разделяло их.

В те годы существовало такое объяснение — это был Сашин план, а свои планы из-за погоды он не менял. Я сам и распространял его в ответ на «провокационные» вопросы родственников погибших и просто интересующихся обстоятельствами их гибели. Тогда я не считал этичным вообще расследовать причины произошедшего. Явной вины никого из присутствовавших в ту ночь в районе входов в п. Снежную-Меженного установить достоверно невозможно — не стоит и пытаться. Только хуже всем станет.

Когда-то уже в начале 2000-х Серега Аден, который стал потом Исаевым, сказал мне так — мы ведь ездим в пещеры и горы не ради удовольствия просто пройтись по ним, а в первую очередь ради удовольствия сделать это в отличной компании, с хорошим настроением и легко... если получится ☺

Так вот Леша, как никто другой, соответствовал, в моём представлении, эталону образцового спутника. Да, он не был «шкафом», скорее наоборот, он не выделялся какими-то особенными физическими способностями, но... Он умел быть «душой компании». Великолепное чувство юмора, интеллигентность, порядочность и надёжность были привлекательной оболочкой к очень непростому внутреннему миру Алексею. Он очень неплохо рисовал, писал очень даже серьёзные стихи и чувствовалось что он обладал очень серьёзным потенциалом для развития своих способностей. Жаль что не успел.

Теперь, нам всем его знавших, остаётся только сожалеть что не удалось прожить все эти годы продолжая пользоваться его умениями поддержать компанию создать ей настроение и быть человеком с которым всем хотелось подружиться и которому все и всегда были рады.

Могу вспомнить какие-то забавные случаи связанные с его отнюдь не безобидным чувством юмора. Как-то у нас в добавление к взрослой солидной и элитной колли завелась маленькая собачка — болонка с занавеской из шерсти на глазах. Подруга жены Дина Борисовна, фамилию уже не вспомню, попросила нас несколько дней подержать её у себя пока она не отдаст её новому хозяину. Дина работа в ветлечебнице и старалась спасать собачек сданных на эвтаназию.

Леха позвонил как раз на следующий день после появления у нас этой собачки и предупредил, что после 19 часов заедет ко мне. А я попросил его, если дверь никто не откроет — сходить на обычное место выгула нашей собаки. И вот вижу я Лёшу... издалека, и вижу что он еле сдерживается глядя на меня с этой собачкой у моих ног. Подошёл и хочет что-то сказать — но, не может, смех душит его... Я спрашиваю что тут такого смешного? А он тычет пальцем на маленькую прижавшуюся к моей ноге собачку и серьёзно так говорит: «ну наконец-то ты нормальный сантиметр нашел для адекватного измерения своей личности...». Я не обиделся, но, запомнил. И назвали мы собачку эту «Катька». И стала она тезкой девушки Кати, которую Леша иногда привозил к нам в гости. Красивая, молчаливая и спокойна была дамочка... Лёша, однако, был к ней серьёзно настроен. Надо сказать что жили мы тогда на бульваре Яна Райниса. До метро идти было минут 10. И я конечно же всегда провожал их до метро, поскольку район наш был весьма беспокойный — хулиганья там хватало. И вот двигаемся мы к метро, а собачка моя носится рядом и пытается заскочить в помойки и что-то или кого-то там схватить... Я тогда приостанавливался и громко орал: «Катерина, помоешница, марш назад, ко мне! Немедленно и рядом! Рядом, кому сказал!» Лешина спутница вздрагивала и начинала прижиматься к нему, а он украдкой грозил мне кулаком. А я разводил руками — дескать, а как же мне её звать-то?

Ну, он тоже в долгу не оставался... Вот к примеру его рисунок с моим портретом (к моему Дню рождения) с его поэтическими строчками, утащенными им у Б. Ахмадуллиной:

В оригинале у Беллы Ахмадуллиной так:

По улице моей который год
звучат шаги — мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
той темноте за окнами угоден.
Запущены моих друзей дела,
нет в их домах ни музыки, ни пенья,
и лишь, как прежде, девочки Дега
голубенькие оправляют перья.
Ну что ж, ну что ж, да не разбудит страх
вас, беззащитных, среди этой ночи.
К предательству таинственная страсть,
друзья мои, туманит ваши очи.
О одиночество, как твой характер крут!
Посверкивая циркулем железным,
как холодно ты замыкаешь круг,
не внемля увереньям бесполезным.
Так призови меня и награди!
Твой баловень, обласканный тобою,
утешусь, прислонясь к твоей груди,
умоюсь твоей стужей голубою.
Дай стать на цыпочки в твоём лесу,
на том конце замедленного жеста
найти листву, и поднести к лицу,
и ощутить сиротство, как блаженство.
Даруй мне тишь твоих библиотек,
твоих концертов строгие мотивы,
и — мудрая — я позабуду тех,
кто умерли или доселе живы.
И я познаю мудрость и печаль,
свой тайный смысл доверяют мне предметы.
Природа, прислонясь к моим плечам,
объявит свои детские секреты.
**И вот тогда — из слез, из темноты,
из бедного невежества былого
друзей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова.**

Белла Ахмадуллина, 1959.

[Не прост был Алексей, ох и не прост.](#) Я, кстати, родился в 1958 году.

Про Лешину спутницу я ничего существенного добавить не смогу. Последний раз я видел её на кладбище в день похорон. В компании с молодым человеком. Не знаю кто он был ей — брат, друг или кто-то более важный. Ко мне она не подошла. Кивнула проходя мимо и всё. Я тогда пожалел, что собачку назвал её именем... Всё-таки это не очень добрая шутка была.

Но извиняться было уже поздно, а перед Лёшей и невозможно.

Я продолжаю ярко помнить его. А таких людей ведь очень немного в моей жизни. Мне сейчас 66 лет и я продолжаю ярко и часто вспоминать тех с кем вместе работал в Снежной или просто был в одной команде. У нас нет уже Леши Крицкого, Димы Тетерина, Георга Людковского и Володи Купцова.

Саша Морозов и Леша Корневский ушли намного раньше них. Саша уже выполнив своё жизненное предназначение полностью, а Леша только частично. Он ведь не успел создать семью, у него не родился ребенок. Он вообще ничего не успел, кроме как оказаться в одной команде с Морозовым и погибнуть вместе с ним и Лешей Преображенским, потому что он всегда умел вовремя оказаться там где он считал, что будет нужен...

И тем не менее я с полной уверенностью утверждаю что он прожил **«Tam brevis et utilis vita»**.

Андрей Пильский, 2024, Москва